

ШПИОН (РАССКАЗ)

В канун Курской битвы германские разведчики придумали одну премилую операцию. Понасобирали там и сям, на оккупированной территории, беспризорных русских пацанят, лет шести-восьми, прикормили их, пообещали каждому по мотоциклу с коляской и по мешку конфет. А взамен возложили на них пустячок — задание: под видом нищих побирушек перебраться через линию фронта, в сторону родных советских войск, и на железнодорожных станциях и разъездах незаметно для охраны, поразбросать в бункера воинских поездов куски каменного угля.

С виду куски угля выглядели вполне натуральными. На самом деле это были мины чудовищной разрушительной силы.

Ребятишки перекинули через свои цыплячьи плечи лямки увесистых нищенских сум и двинулись выполнять задание.

... Пожилой часовой, стоящий у крыльца штабного барака, увидев маленького чумазого побирушку в рвани и лохмотьях, сквозь которые проглядывало исхудалое тело, жалостливо покачал головой и сказал:

— Пооколачивайся тут, в округе, малость. Сменюсь, пойдём на кухню, поедим.

— Не, дяденька, — решительно отверг это предложение побирушка, — жратвы мне не надо. Мне к командиру надо.

Вышедший из штабного барака офицер заметил:

— Удивляюсь на тебя, Паньков. Кадровый армеец, а нарушаешь. Разговаривать на посту часовому вообще не положено, а ты тем более охраняешь объект особого значения. На первый случай делаю замечание.

— Вот видишь, малец, — расстроился часовой. — Из-за тебя досаду получил. Ежели ты сытый, шканделяй отсюда!

Однако, вместо того, чтобы уйти, парнишка подошел ещё ближе к часовому и произнес шёпотом:

— Дяденька, я — шпион. Ты отведи меня к командиру. Тебе орден дадут.

Часовой Паньков рассердился.

— Ты малой, да видать, вредный! А ну, вали отсюдава подобру-поздорову! Учти, согласно уставу, я имею полное мое право тебя наповал подстрелить...

Часовой Паньков щёлкнул затвором и вскинул винтовку.

Парнишка отскочил от часового.

— Не, дяденька, меня убивать нельзя. Если я свой секрет не расскажу, будет беда. Наши поезда под откос полетят, и бойцы, и танки, и орудия, и снаряды, и пулемёты... Я бы на твоём месте пустил меня к командиру!

— Удивляюсь я, какой ты беспонятный. В последний раз говорю. Ежели не отвяжешься, стрелять в тебя я, конечно, не буду. Я тебе не фашист какой. В дитё не стреляю. Но уши оторву. С корешками. Тут уж не сумлевайся!

Потеряв надежду, мальчишка вяло и далеко отошёл, и часовой Паньков успокоился.

Вдруг мальчишка снова подскочил к нему и, показав рукой за угол барака, прошептал:

— Гляди, Паньков... Фриц крадётся!

Паньков мгновенно повернул голову туда, куда показал парнишка...

Улучив момент, мальчишка воробьём метнулся в дверь штабного барака, и часовой Паньков настиг его только уже в большой светлой комнате, посредине которой разметнулся непомерно просторный стол. Со стола на пол свисала испещрённая стрелками карта. Над картой, опираясь на обе толстые руки, нависал тучный майор с седым ёжиком на крупной голове.

Часовой Паньков ухватил мальчишку за шиворот драной рубашонки, приподнял над полом, при этом дрань страдательно затрещала, и оправдательно доложил майору:

— Не дитё, товарищ майор, а чистый гад! Всё домогался к вам и вот между ног проскочил!

— Я не гад, дяденька, я — шпион, — хрипел мальчишка, синяя лицом и болтая в воздухе ногами, под аккомпанемент вконец дорываемой рвани. — Я вам что-то скажу, покажу...

— Оставь его, — махнул рукой майор. — Возвращайся на пост, да не считай ворон, а то ещё кого-нибудь проворонишь. Ты же знаешь, нахождение в оперативной комнате строжайше запрещено — для посторонних. Засекут особисты, и мне не сдобровать...

Часовой Паньков опустил мальчишку на пол, вытянулся, повернулся кругом и вышел.

— Вот что, шпион, — протирая очки платком, проговорил майор. — Сейчас я прикажу тебя помыть в бане, переодеть, и ты маршем отправишься в тыл, учиться. А сначала поешь...

— Поешь, поешь... — озлился мальчишка. — Я ведь не обжора, дяденька, я — шпион! Думаете, у меня тут что?

Мальчишка похлопал чёрной ладошкой по нищенской суме.

— Уголь? Как бы не так! У меня тут мины. Вот, гляньте...

Мальчишка с осторожностью достал из сумы кусок угля и подал майору. Майор взял кусок угля, со вниманием повертел его в руках. Даже длинным, розовым ногтем поцарапал зеркально блестящую антрацитовую поверхность.

Понимающе произнёс:

— В диверсанты захотелось поиграть? В подрывники? Ну-ну. Только мне, малыш, играть некогда. А уголёк твой — кстати. Я с недосыпу зябну...

Майор приоткрыл печную дверцу и швырнул кусок угля прямо в малиново тлеющие древесные угли. Крохотные голубенькие язычки пламени стали прилежно вылизывать поверхность мины...

— Дяденька, что вы сделали?! — вскричал мальчишка. — Мы же сейчас взлетим!

Внезапно сдёрнув со стола карту, мальчишка вскочил на подоконник, ударом зада распахнул широкое окно, спрыгнул на землю и побежал к лесу, держа карту на вытянутых вверх руках. Карта развевалась над головой

мальчишки, как огромный воздушный змей.

— Куда? Стой! Отдай карту! — выпучив глаза, истошно орал майор.

Резво перемахнув через подоконник, майор рысцой понёс своё тучное тело вслед убегающему мальчишке. Но тот недосыпаемо уходил к лесу.

Становилось ясно, что его не поймать.

— Лови его! Лови! — исходя отдышкой, взывал майор к часовому. Он стащил оперативную карту! Нас поведут под трибунал! Расстреляют!

Часовой Паньков припустил во все тяжкие. Быстро обогнал майора, но мальчишка уже подбегал к лесному массиву, настигнуть его уже не было никакой возможности.

— Стреляй! Стреляй! Стреляй на поражение! — перешёл на пронзительный визг майор. — Это вражеский лазутчик! Шпион! Стреляй!

Часовой Паньков припал на колени, прицелился и намеревался спустить курок, но в этот момент за его взмокшей спиной и за взмыленной спиной майора возгремел страшной силы взрыв.

Оба они невольно оглянулись.

Штабной барак витал в облаках.

Повитав, он медленно распался на составные части и плавно погрузился в клубы чёрной копоти, дыма и пыли. От удара взрывной волны мальчишка упал, но быстро поднялся и лёгким шагом пошёл не в лес, а навстречу майору и часовому Панькову.

За ним волочилась оперативная карта.

Подойдя, он сказал:

— Я же вам говорил, дяденьки... Русским языком говорил. Я — шпион. А то не уголь, а мины. А карту я схватил, чтобы спасти вас. А то бы от вас остались одни головёшки... Как от вашего штаба.

Майор молча протёр очки, взял карту, свернул её в трубку, сунул под мышку. Другой рукой он снял с плеча мальчишки нищенскую суму, передал её часовому Панькову и все, втроём, они двинулись навстречу веером окружавших их особистов...

Из книги: Л. Моисеев. Юмористические рассказы. — Москва-Орёл, 1993.